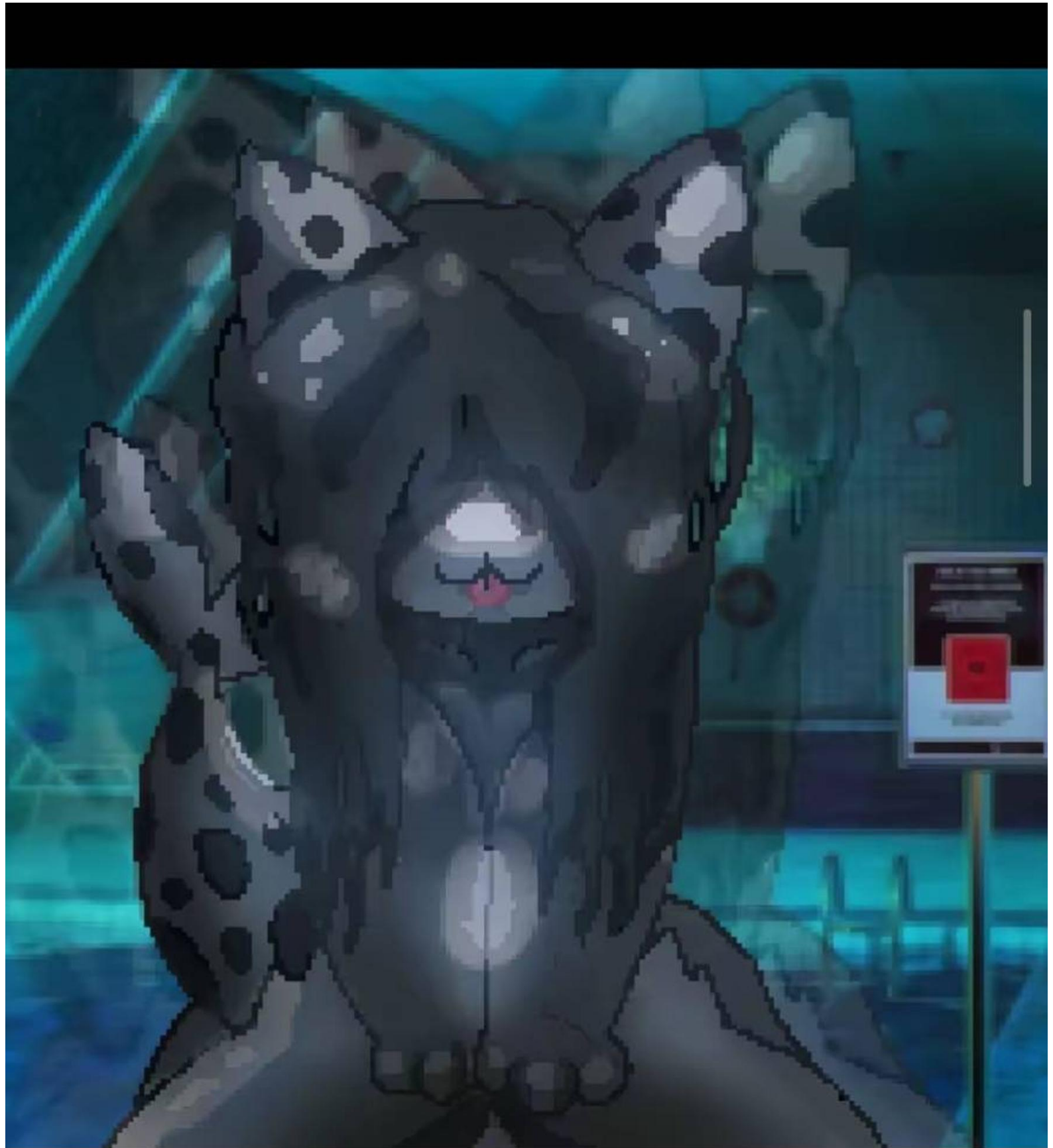

Тухватулин Тамерлан

Жизнь с любовью

«Автор»

2026

Тамерлан Т.

Жизнь с любовью / Т. Тамерлан — «Автор», 2026

В мире где любовь все решает, вы заводите семью, и вам очень хорошо с вашей девушкой. Книга вымышленная и не нарушает авторские права.

© Тамерлан Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 2 <первый поцелуй>	7
Глава 3 <первая семья>	9
Глава 4 <первый ребенок спустя 2 года после свадьбы>	10
Глава 5 <имя ребенка>	12
Глава 6 <тихий стон>	14
Глава 7 <первые шаги элары>	16
Глава 8 <Элара идёт в садик>	18
Глава 9 <пушистый хвост kiladosha>	21
Глава 10 <первое мурлыканье Элары>	23
Глава 11 <уход на фронт>	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Тухватулин Тамерлан

Жизнь с любовью

Глава

Чем прежде читать прочитайте пожалуйста информацию! Книга вымышленная и не основано на реальных событиях. Возрастное ограничения: 14+ Категория: фэнтези, романтика,

Глава 1 <поездка в Армению>

Глава 1. Поездка в Армению Самолёт мягко коснулся взлётнопосадочной полосы, и я наконецто выдохнул. Всё это время я сжимал подлокотники так, будто от этого зависела моя жизнь. Полёт казался бесконечным: сначала тревога перед вылетом, потом эти долгие часы в небе, когда ты будто завис между прошлым и будущим, не принадлежа ни тому, ни другому. А теперь — Ереван. Я выглянул в иллюминатор: город лежал внизу, словно старинная мозаика, собранная из тёплых камней и солнечных лучей. Дома будто были выточены из самого света — бежевые, охристые, золотистые. Горы вдалеке казались нереальными, будто нарисованными на фоне неба. Я вдруг почувствовал, как внутри что-то дрогнуло — не страх, не тревога, а что-то похожее на предвкушение. Будто мир наконецто решил показать мне себя без масок. Паспортный контроль, получение багажа, выход в зал прилёта — всё это пронеслось как в тумане. Я шёл по залу, оглядываясь по сторонам, пытаюсь поймать хоть один знакомый оттенок, хоть одну деталь, которая помогла бы мне почувствовать себя здесь своим. Но всё было новым, незнакомым, и от этого одновременно и страшно, и захватывающе. На улице пахло горячим хлебом, специями и чем-то ещё — тем особенным, что бывает только в старых городах: пылью, солнцем, историей. Я вдохнул этот запах полной грудью и улыбнулся, сам не зная почему. Просто вдруг стало казаться, что здесь, в этом городе, всё может быть по-другому. Что старые раны могут хоть немного затянуться, а тишина перестанет давить на уши. Я взял такси — старенький, но ухоженный автомобиль, в котором пахло кофе и кожей. Водитель, улыбающийся мужчина с добрыми глазами, сразу начал рассказывать про город, про то, куда стоит сходить, где попробовать настоящий лаваш, где посидеть в тени платанов и просто послушать, как город дышит. Я кивал, ловил каждое слово, старался запомнить названия улиц, имена площадей, имена людей, которых он упоминал. Мы ехали по широким проспектам, мимо старинных домов и современных зданий, мимо фонтанов и скверов, где дети бегали между деревьями, а старики сидели на скамейках и тихо разговаривали. Город жил своей жизнью, неторопливой, размеренной, но в то же время полной энергии. И я вдруг понял, что хочу стать частью этой жизни хотя бы на несколько дней. Хочу почувствовать, что я здесь не чужой. Водитель высадил меня недалеко от центра, возле небольшого сквера, где на скамейке сидела девушка в лёгкой куртке и читала книгу. Она подняла глаза, улыбнулась мне и кивнула, будто мы были старыми знакомыми. Этот простой жест — кивок, улыбка — вдруг согрел меня изнутри. Я даже остановился на секунду, чтобы запомнить это ощущение: будто мир не такой уж враждебный, каким он казался последние месяцы. Я пошёл дальше, разглядывая витрины, вывески, лица прохожих. Ереван был городом, где каждый камень, казалось, хранил свою историю, а каждый человек был частью этой истории. Здесь не было суеты больших мегаполисов, здесь время текло иначе — медленнее, глубже, будто приглашая остановиться и прислушаться к себе. И вот тогда я её увидел. Она стояла возле небольшого кафе, прислонившись к стене, и смотрела куда-то вдаль, будто ждала кого-то или что-то. В ней было что-то особенное — не просто красота, а какая-то внутренняя сила, уверенность, смешанная с лёгкой небрежностью. Её

волосы развевались на ветру, а в глазах читалась целая вселенная — с тайнами, мечтами и, возможно, своими собственными ранами. Это была Kiladosha. Я замер на мгновение, не зная, что делать: подойти, поздороваться, просто пройти мимо? Сердце колотилось где-то в горле, а ладони стали влажными. Я столько раз представлял себе моменты, когда смогу заговорить с кем-то новым, но каждый раз страх брал верх. А сейчас... сейчас что-то внутри подталкивало меня вперёд. Kiladosha заметила меня. Её взгляд скользнул по мне, задержался на секунду, а потом она улыбнулась — той самой улыбкой, которая способна растопить любой лёд. — Привет, парень, — сказала она, отталкиваясь от стены и делая шаг навстречу. — Может, познакомимся? Её голос звучал так, будто она знала что-то, чего не знал я, — что-то хорошее, светлое, то, что могло всё изменить. Я стоял, не в силах вымолвить ни слова. Мысли путались, слова застревали где-то посередине между сердцем и горлом. Но потом я глубоко вдохнул, постарался унять дрожь в руках и ответил: — Да... да, конечно. Я... я только приехал. В Ереван. Впервые. Kiladosha кивнула, будто это всё объясняло. — Тогда тебе точно нужно показать город, — сказала она с лёгкой усмешкой. — Тут столько всего, что глаза разбегаются. Ты любишь горы? А старинные церкви? А просто сидеть на набережной и смотреть, как солнце садится за холмы? Я улыбнулся — впервые за долгое время искренне, без напряжения. — Думаю, я всё это полюблю, — ответил я. — Если кто-то покажет. Kiladosha рассмеялась — звонко, легко, так, что прохожие оборачивались и улыбались в ответ. — Ну, тогда тебе повезло, — сказала она. — Потому что я знаю этот город как свои пять пальцев. И, честно говоря, мне как раз не хватало кого-то, кому можно всё это показать. Мы пошли по улице, болтая о пустяках: о том, какой кофе лучше пить в Ереване, о том, какие улицы самые красивые на закате, о том, как пахнет город после дождя. С каждым шагом я чувствовал, как напряжение уходит, уступая место чему-то новому — любопытству, лёгкости, возможно, даже надежде. Ереван раскрывался передо мной, как старинная книга с пожелтевшими страницами: каждая улица, каждый дом, каждый взгляд прохожих был новой главой, новой историей. И теперь у этой истории был ещё один герой — Kiladosha, которая шла рядом и рассказывала мне о городе так, будто хотела подарить его целиком, со всеми его тайнами и чудесами. Мы дошли до небольшой площади, где играл уличный музыкант. Он выводил на дудуке мелодию, от которой хотелось плакать и смеяться одновременно — такую глубокую, такую настоящую. Мы остановились, слушая, как звуки плывут над городом, смешиваясь с шумом машин, голосами людей, шелестом листьев. Kiladosha посмотрела на меня и тихо сказала: — Знаешь, Ереван умеет заживать раны. Не сразу, не волшебным образом, а потихоньку, день за днём. Он просто напоминает, что жизнь — это не только боль. Это ещё и солнце, и музыка, и разговоры на площадях, и люди, которые готовы просто побыть рядом. Я не знал, что ответить. Слова казались слишком маленькими для того, что я чувствовал. Поэтому я просто кивнул и улыбнулся. И в этот момент понял, что, возможно, впервые за долгое время мне не хочется никуда убегать. Хочется остаться здесь, в этом городе, с этой девушкой, и просто слушать, как поёт дудук, и смотреть, как садится солнце. Так началась моя история в Ереване. История, в которой было место не только воспоминаниям о боли, но и новым встречам, новым надеждам, новым мечтам. История, которая только начиналась — и я был готов прожить её до конца.

Глава 2 <первый поцелуй>

Глава 2. Первый поцелуй После той встречи в Ереване дни потекли странно — будто мир стал ярче, а обычные вещи вдруг наполнились смыслом. Я всё время ловил себя на том, что вспоминаю голос Kiladosha, её лёгкую улыбку, ту самую фразу: «Привет, парень, может, познакомимся?» Казалось, будто с того момента всё во мне переменялось, и теперь каждый шаг вёл к чему-то важному. Мы стали гулять по городу почти каждый день. Kiladosha знала Ереван так, будто он был её собственным секретным лабиринтом: она водила меня по узким улочкам, где тени ложились на камни причудливыми узорами, показывала дворики, в которых цвели розы, и рассказывала истории про старые дома — будто каждый кирпич помнил чьи-то мечты и слёзы. Я слушал, почти не дыша, боясь пропустить хоть слово. В тот вечер мы поднялись на холм, откуда открывался вид на весь город. Солнце садилось медленно, будто не хотело уходить, и небо переливалось оттенками от тёплого янтаря до глубокого фиолетового. Внизу зажигались огни, и Ереван становился похож на россыпь звёзд, упавших на землю. Мы сели на каменную скамью, и какое-то время просто молчали, слушая, как город шепчет свои вечерние тайны. Kiladosha вдруг тихо рассмеялась, глядя куда-то вдаль. — Знаешь, тут всегда так спокойно, когда солнце садится, — сказала она, чуть наклонив голову. — Будто весь шум остаётся где-то внизу, а здесь, наверху, можно услышать себя. Я кивнул, хотя на самом деле слышал не себя, а бешеный стук своего сердца. Слова будто застряли в горле, и я боялся, что если заговорю, голос дрогнет. Kiladosha повернулась ко мне, и в её глазах отражались последние лучи заката — золотые, тёплые, живые. — Ты сегодня какой-то тихий, — мягко заметила она. — Всё в порядке? Я хотел сказать что-то обычное, что-то простое, вроде «да, всё хорошо», но вместо этого вдруг признался: — Просто... мне кажется, что этот момент должен длиться вечно. Она улыбнулась — не широко, а так, будто поняла что-то очень важное. И тогда она чуть подвинулась ближе. Не резко, не настойчиво, а осторожно, словно проверяя, не спугну ли я этот миг. Её плечо едва касалось моего, и от этого лёгкого прикосновения по коже пробежали мурашки. Ветер стал тише, будто даже он решил не мешать. Где-то далеко звенел колокольчик, может быть, с шеи чьей-то лошади, а где-то смеялись люди, но всё это звучало будто сквозь вату — отдалённо, не по-настоящему. Настоящим был только этот холм, этот закат и Kiladosha рядом. Она посмотрела на меня, и в этом взгляде было столько тепла, что мне показалось, будто я наконец-то согрелся после долгого холода. — Знаешь, — прошептала она, — иногда самые важные вещи случаются в тишине. И прежде чем я успел что-то ответить, она медленно подняла руку и осторожно коснулась моей щеки — так легко, будто боялась нарушить хрупкость момента. Её пальцы были тёплыми, и этот простой жест вдруг сказал мне больше, чем любые слова. Время будто остановилось. Я видел каждую ресничку, каждый отблеск в её глазах, чувствовал, как воздух между нами становится гуще от напряжения и нежности. Kiladosha чуть наклонилась вперёд, и я замер, не смея пошевелиться, словно боялся спугнуть это волшебство. Её губы коснулись моих — нежно, едва ощутимо, как первый лепесток, упавший на ладонь. Это был не поцелуй, а обещание: тихий, осторожный, будто она спрашивала разрешения остаться. И в эту секунду весь мой мир сузился до этого прикосновения — до тепла её губ, до лёгкого дыхания, смешивающегося с моим, до чувства, которое было одновременно пугающим и невероятно правильным. Когда она чуть отстранилась, её глаза на мгновение стали серьёзными, будто она проверяла, не сделала ли чего-то не так. Но потом на её лице снова расцвела улыбка — тёплая, искренняя, только для меня. — Прости, если это было слишком, — тихо сказала она, опуская взгляд. — Просто... я хотела, чтобы ты знал, что ты не один. Слова застряли у меня в горле. Вместо них я просто накрыл её руку своей и сжал чуть крепче, чем обычно, будто пытаюсь передать всё, что не мог сказать вслух. — Это было... — я запнулся, подбирая слово, которое

могло бы вместить в себя всю бурю чувств внутри. — Это было самое настоящее. Она снова улыбнулась, и на этот раз в её улыбке было столько света, что казалось, будто закат теперь живёт в её глазах. Мы снова повернулись к городу, и он уже не казался таким далёким и чужим. Теперь он был нашим — нашим холмом, нашим закатом, нашим моментом. С того вечера всё изменилось. Не сразу, не громко, а тихо, по чуть-чуть: в каждом взгляде, в каждом случайном касании, в паузах между словами, которые теперь не были пустыми. И каждый раз, вспоминая тот первый поцелуй, я понимал: иногда самое сильное чувство начинается с одного лёгкого прикосновения — и с того, что кто-то просто захотел сказать тебе: «Ты не один».

Глава 3 <первая семья>

Всё началось с мелочи. С того, что Kiladosha вдруг остановилась посреди улицы и сказала:— Знаешь, я хочу, чтобы у нас было что-то своё. Не просто «мы вместе», а чтобы это было как обещание. Навсегда. Я тогда даже не сразу понял, о чём она. Просто стоял, смотрел на неё и думал, как странно: солнце светит как обычно, машины едут, люди спешат, а для меня в эту секунду будто всё остановилось. Она улыбнулась, чуть наклонив голову, и добавила:— Давай поженимся. Не ради кого-то, не ради красивых слов. А ради нас. Чтобы каждый день мы могли говорить: «Мы выбрали друг друга. Снова и снова». И я не стал думать, не стал искать причины, почему это странно или слишком быстро. Я просто кивнул и сказал:— Да. Давай. Мы не стали устраивать пышную церемонию. В Kit Community вообще не принято делать из важных вещей шоу. Здесь ценят тишину, в которой слышно главное. Поэтому мы выбрали место, которое уже стало нашим: маленький дворик за старой библиотекой, где росли кусты жасмина, а в углу стоял фонарь, который всегда мигал, будто подмигивал. Kiladosha надела простое платье цвета утреннего неба, а я надел рубашку, которую она когда-то подарила мне и сказала: «В ней ты выглядишь как человек, который знает, куда идёт». И я вдруг понял: да, теперь я знаю. Я иду туда, где она. Церемония была короткой. Никаких длинных речей, никаких клятв, которые звучат как из книги. Всё было по-нашему. Мы просто стояли друг напротив друга, держались за руки, и Kiladosha сказала:— Я обещаю быть рядом, когда тебе будет страшно. Обещаю напоминать тебе, какой ты сильный, даже если ты сам забудешь. Обещаю слушать тебя, даже когда ты молчишь. А я ответил:— Я обещаю защищать тебя не кулаками, а тем, что не дам миру забрать твой свет. Обещаю замечать мелочи: как ты морщишь нос, когда думаешь, как прячешь руки в рукава, когда волнуешься. Обещаю, что ты всегда будешь знать: ты дома. Где бы мы ни были. И когда мы сказали эти слова, всё вокруг будто стало тише. Даже город, который никогда не спит, на мгновение замер. А потом она шагнула ко мне. И поцеловала. Не резко, не отчаянно, а так, будто хотела сказать: «Ты мой дом». И в этом поцелуе не было ничего лишнего — только тепло, только доверие, только чувство, что теперь мы действительно семья. После мы пошли гулять по знакомым улицам, и всё казалось другим: витрины светились ярче, воздух пах свежестью, а каждый прохожий будто улыбался нам вслед. Может, это была иллюзия, а может, Kit Community просто умеет делать такие дни особенными. Вечером мы сели на скамейку у реки, смотрели, как отражаются огни в воде, и Kiladosha положила голову мне на плечо.— Знаешь, — сказала она тихо, — я раньше думала, что семья — это когда тебя заставляют быть кем-то. А теперь понимаю: семья — это когда тебе разрешают быть собой. И любят именно этого тебя. Я обнял её крепче и прошептал:— Спасибо, что выбрала меня.— Спасибо, что согласился, — ответила она и улыбнулась. И в этот момент я понял: вот она, наша первая семья. Не из громких слов и не из идеальных дней. А из того, что мы есть друг у друга. Из того, что можем молчать рядом и всё равно чувствовать: мы вместе.

Глава 4 <первый ребенок спустя 2 года после свадьбы>

Два года пролетели как одно мгновение. Казалось, только вчера мы стояли в том тихом дворике за старой библиотекой, шептали друг другу простые, но такие важные клятвы, а теперь наша маленькая вселенная стала чуть больше — и бесконечно теплее. В Kit Community говорят, что семья растёт не тогда, когда прибавляются люди, а когда в воздухе появляется новый оттенок счастья — тот самый, который можно услышать только в тишине. Мы с Kiladosha начали замечать его задолго до того, как всё стало официально. Это было в мелочах: в том, как она вдруг стала чаще улыбаться без причины, как я ловил себя на том, что прислушиваюсь к тишине, будто жду какого-то особенного звука. А потом настал день, когда Kiladosha вошла в комнату, держа в руках маленькую коробочку, и сказала, чуть дрожащим от волнения голосом: — Кажется, у нас будет ребёнок. Я замер. Мир на секунду перестал крутиться. А потом вдруг закрутился быстрее, ярче, будто кто-то повернул ручку громкости у самой жизни. — Правда? — только и смог выдохнуть я. Она кивнула, и в её глазах было столько света, что мне показалось, будто даже тени в комнате разбежались, не выдержав такой яркости. — Да, — сказала она, и голос её звучал как тихая песня. — Я сама ещё не до конца верю. Но это правда. Мы обнялись так крепко, будто хотели удержать этот момент навсегда. И в этом объятии не было ни страха, ни сомнений — только огромное, тёплое «мы справимся». ---С того дня всё в нашем доме стало другим. Мы начали придумывать имена, спорить о том, на кого малыш будет больше похож, смеяться над тем, как странно звучит фраза «мы будем родителями». Но больше всего нам нравилось просто сидеть рядом, слушать тишину и представлять, каким будет этот маленький человек, который уже сейчас делает нас другими. Kiladosha стала замечать в мире столько деталей, будто кто-то раскрасил его заново. Она собирала маленькие истории: как солнце ложится на подоконник ровно в четыре, как ветер шевелит листья так, будто шепчет что-то важное, как в шуме города можно услышать редкие, но такие нужные паузы. — Хочу, чтобы он или она знал, что мир умеет быть добрым, — говорила она, и я кивал, потому что чувствовал то же самое. А я старался быть тем, кто заметит, если ей станет тяжело. Приносил чай, когда она уставала, обнимал, когда ей хотелось просто спрятаться от всего на свете, и шептал: — Я здесь. Мы вместе. Всё будет хорошо. Иногда по вечерам мы сидели на балконе, смотрели, как зажигаются огни над городом, и Kiladosha клала руку на живот, будто прислушивалась к чему-то очень тихому, что мог услышать только она. — Он или она уже чувствует, что мы рядом, — говорила она. — Я это знаю. И я верил ей. Потому что в Kit Community верят: любовь — это не только слова, это тепло, которое ты отдаёшь, даже когда молчишь. ---День, когда родился наш ребёнок, начался как самый обычный. Утро было прохладным, солнце только-только начинало протирать глаза, а город ещё не успел проснуться по-настоящему. Но я уже не мог усидеть на месте. Ходил из комнаты в комнату, проверял, всё ли готово: пелёнки, бутылочки, маленькая шапочка с вышитым узором, которую Kiladosha связала сама. А потом пришло сообщение: «Пора». И мир снова замер. А потом рванул вперёд с такой скоростью, что я едва успевал дышать. Больница в Kit Community — не такая, как везде. Здесь не пахнет страхом. Здесь пахнет чаем с мятой, старыми книгами и надеждой. Здесь врачи говорят тихо, будто не хотят спугнуть самое важное, а стены будто умеют слушать и хранить секреты. Я держал Kiladosha за руку и шептал всё, что приходило в голову: — Ты самая сильная. Ты всё сможешь. Я здесь. Я с тобой. Она сжимала мою руку так крепко, что я чувствовал каждый её вдох, каждую секунду, когда ей было тяжело, и каждую, когда становилось чуть легче. А потом раздался первый крик. Он был таким настоящим, таким живым, что у меня на глазах выступили слёзы. Я даже не сразу понял, что плачу. Просто стоял и слушал, как этот крошечный голос заявляет миру: «Я здесь!» Когда мне впервые дали его на руки, я замер. Он был таким маленьким, таким тёплым, таким беззащитным, что у меня внутри что-то щёлкнуло —

и я вдруг понял: вот ради чего всё это. Ради этого крошечного чуда, ради того, чтобы быть его опорой, его тишиной, его светом.— Привет, малыш, — прошептал я, прижимая его к себе. — Я твой папа. И я буду беречь тебя. Обещаю. Kiladosha смотрела на нас, и в её глазах стояли слёзы счастья.— Он такой красивый, — сказала она тихо. — Такой наш. И в этот момент я понял, что семья — это не просто слово. Это когда ты смотришь на крошечное существо, которое только что пришло в этот мир, и знаешь: теперь ты никогда не будешь один. И он тоже.---Дома всё стало ещё уютнее. Наш маленький уголок наполнился новыми звуками: тихим сопением, редкими всхлипами, которые быстро сменялись спокойствием, когда кто-то из нас брал его на руки. Мы учились понимать эти звуки, учились быть родителями, ошибаться, исправлять ошибки и снова пробовать. Однажды ночью, когда город спал, а наш малыш вдруг проснулся и тихонько позвал мир своим голосом, я взял его на руки и вышел на балкон. Kiladosha осталась в комнате, досыпая редкие минуты тишины. А я стоял и смотрел, как над городом медленно плывут облака, как мерцают звёзды, будто подмигивают нам, и шептал малышу:— Видишь, какой большой мир? Но ты не бойся. У тебя есть мы. И мы всегда будем рядом. Он смотрел на меня своими огромными, ещё не понимающими, но уже такими доверчивыми глазами, и я чувствовал, как моё сердце становится шире, будто в нём теперь хватает места на целую вселенную.---Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Наш малыш рос, учился улыбаться, тянуться к свету, узнавать наши голоса. Kiladosha смеялась, когда он впервые схватил её за палец, будто сказал: «Ты моя». А я ловил моменты, когда он смотрел на меня и будто спрашивал: «А ты правда будешь меня защищать?» И я отвечал ему каждым своим действием: да, буду. В Kit Community есть старая традиция: когда в семье рождается ребёнок, родители пишут ему письмо, которое он прочтёт, когда станет взрослым. Мы с Kiladosha сели однажды вечером, когда малыш уже спал, и написали два письма. Моё начиналось так:> «Когда ты будешь читать это, я, возможно, уже не смогу быть рядом каждую секунду. Но знай: я любил тебя с той самой минуты, когда услышал твой первый крик. Я буду любить тебя всегда, даже если ты забудешь моё лицо. Даже если мир станет сложным, помни: ты не один. У тебя есть семья. И это самое главное». А письмо Kiladosha было про то, как важно замечать красоту в мелочах, про то, что доброта — это тоже сила, и про то, что дом — это не место, а чувство, которое живёт внутри. Мы положили эти письма в деревянную шкатулку, которую нашли на старом рынке, и спрятали её на самой верхней полке, туда, куда малыш доберётся только тогда, когда будет готов.---Теперь, когда я смотрю на нашу маленькую семью, я понимаю: счастье — это не громкие события. Это тихий вечер, когда Kiladosha улыбается, глядя, как малыш сжимает мой палец. Это её рука в моей руке. Это ощущение, что мы делаем что-то по-настоящему важное. Это и есть наша первая семья. Не идеальная, не безупречная, но настоящая. Семья, в которой любят, берегут и знают: что бы ни случилось, мы справимся. Потому что мы — вместе.

Глава 5 <имя ребенка>

Мы сидели на нашем любимом балконе — том самом, где по вечерам город зажигал свои огни, будто рассыпал по небу горсти звёзд. Сейчас, правда, было утро, и солнце ещё не успело стать жарким: оно лежало на перилах тонкими золотыми полосками, грело плечи и делало даже самые обычные вещи волшебными. Наша дочка спала в соседней комнате, в маленькой кроватке, которую я собирал сам, по три раза перечитывая инструкцию и всё равно путая детали, пока Kiladosha не рассмеялась и не сказала: «Главное, чтобы она стояла. А мы всё остальное доделаем вместе». И мы доделали. И теперь эта кроватка стала самым важным местом в доме. Но сейчас в комнате было тихо, и эта тишина казалась особенной — будто мир на секунду остановился, чтобы дать нам время подумать о самом главном. — Знаешь, — тихо сказала Kiladosha, прижимаясь ко мне плечом, — мне кажется, имя — это не просто слово. В Kit Community верят, что имя — это первый подарок, который мы даём ребёнку. Оно как будто прокладывает ей дорожку в мир. И я не хочу ошибиться. Я обнял её крепче, чувствуя, как её волосы щекочут мне подбородок, и улыбнулся: — Мы не ошибёмся. Потому что мы делаем это вместе. Она вздохнула, но в этом вздохе не было усталости — только трепет, будто она боялась спугнуть момент. — Давай просто попробовать. Назовём вслух, послушаем, как звучит. Если не подойдёт — отпустим и возьмём другое. И мы начали. Сначала шли самые простые варианты — те, что первыми приходили в голову. — Амелия, — проговорила Kiladosha. Я повторил про себя, потом вслух: — Амелия... Красиво. Как будто про что-то воздушное, лёгкое. — Да, — согласилась она. — Но мне кажется, ей нужно что-то... чуть более сильное. Она ведь уже показала, какая она смелая — просто придя в этот мир. — Тогда... Лира? — предложил я. — Лира... — она покачала головой, прислушиваясь к звуку. — Мне нравится, но будто не до конца. Как будто это имя для кого-то, кто уже всё знает. А наша малышка только начинает узнавать мир. Ей нужно имя, в котором есть и сила, и любопытство. Мы замолчали, прислушиваясь к тишине, и вдруг Kiladosha улыбнулась: — Помнишь, как мы шли по набережной в тот день, когда ты впервые взял меня за руку и сказал: «Давай не будем бояться»? Там ещё цвела сирень, и пахло так, будто весь город решил стать добрее. — Помню, — кивнул я. — Это был один из лучших дней. — Тогда давай... Сирена? Нет, не то. Слишком похоже на сигнал. Я рассмеялся: — Точно. Нам не нужно, чтобы её путали с сиреной на крыше. Она шутливо толкнула меня в плечо, но тут же снова стала серьёзной: — Мне хочется, чтобы в имени было что-то от Kit Community. Что-то, что напомнит ей, откуда она. Что наш мир умеет быть тёплым, даже когда снаружи холодно. Я задумался. В Kit Community имена часто несли в себе отголоски старых историй, легенд, забытых слов, которые вдруг обретали новую жизнь. — А что насчёт... Эллары? — вдруг сказал я. — В старых легендах Kit Community Элара — это звезда, которая светит даже днём, если знать, куда смотреть. Kiladosha замерла, будто прислушиваясь не к слову, а к тому, как оно ложится на воздух. Потом медленно повторила: — Элара... Элара. На её лице появилась улыбка — та самая, от которой у меня всегда становилось теплее внутри. — Мне нравится, — тихо сказала она. — В нём есть свет. И есть что-то древнее, будто это имя ждало её. — Но давай ещё подумаем, — добавил я. — Чтобы быть уверенными. Мы перебирали ещё имена: Мира, Селина, Лайра, Веста... Каждое звучало по-своему, каждое оставляло свой след, но ни одно не ложилось так мягко, как «Элара». А потом дочка проснулась. Мы услышали её тихий голос — сначала просто звук, похожий на мурлыканье, а потом — настоящий, живой, требовательный писк, который тут же заставил нас обоих вскочить. Когда я взял её на руки, она на секунду замерла, будто оценивала мир, а потом вдруг широко распахнула глаза и посмотрела прямо на меня. И в этом взгляде было столько доверия, столько «я здесь, и я тебе верю», что у меня перехватило дыхание. — Ну что, малышка, — прошептал я, — ты ведь сама скажешь, какое имя тебе подходит, правда? Я передал её Kiladosha, и та прижала

дочку к себе, уткнувшись носом в её макушку. — Она пахнет счастьем, — сказала она, смеясь сквозь слёзы. А потом, глядя на неё, произнесла: — Элара. Пусть будет Элара. Потому что она — наш свет. Даже когда мы не видим его, он есть. Я сел рядом, обнял их обеих — и дочку, и Kiladosha — и почувствовал, как всё внутри становится на свои места. — Элара, — повторил я, и это слово теперь звучало не как вариант, а как истина. --- Позже, когда Элара уснула, мы вышли на ту самую набережную, где когда-то впервые взялись за руки. В Kit Community есть традиция: когда имя выбрано, его шепчут воде, чтобы река унесла все сомнения и оставила только уверенность. Мы стояли у перил, смотрели, как вода бежит вперёд, никогда не останавливаясь, и Kiladosha тихо сказала: — Река, мы зовём её Элара. Пусть она растёт сильной, доброй и знает, что её любят. Я добавил: — Пусть она никогда не чувствует себя одинокой. Пусть знает, что у неё есть дом. Вода чуть плеснула в ответ, будто согласилась. Когда мы вернулись домой, я достал старую деревянную шкатулку — ту самую, где лежали письма для Элара. И добавил туда ещё одну вещь: маленький кусочек бумаги, на котором мы вместе написали: > «Элара. Твоё имя значит свет, который видно даже днём. Мы выбрали его, потому что ты принесла свет в нашу жизнь. И мы будем беречь этот свет, как бережём тебя». --- С того дня имя «Элара» стало звучать в нашем доме как самое любимое слово. Мы произносили его по сто раз на дню: «Элара, смотри, птичка!», «Элара, хочешь кашку?», «Элара, я тебя люблю». И каждый раз оно звучало по-новому, будто раскрывалось, как цветок. Иногда по вечерам, когда город уже засыпал, а мы всё ещё сидели на балконе, Kiladosha брала меня за руку и говорила: — Спасибо, что ты был со мной в этот момент. Что мы выбирали имя вместе. А я отвечал: — Спасибо, что ты научила меня слышать тишину. Потому что именно в ней мы и слышали это имя. Теперь, когда я смотрю на Элара — на то, как она тянет ручки к свету, как смеётся, когда ветер шевелит занавески, как доверчиво прижимается к нам, будто знает, что здесь безопасно, — я понимаю: мы не просто выбрали имя. Мы выбрали судьбу.

Глава 6 <тихий стон>

Глава 6. Тихий стон Вечер медленно опускался на город, укутывая улицы мягким сумраком. Последние лучи солнца цеплялись за крыши домов, будто не хотели уходить, оставляя после себя тонкую золотистую кайму. В воздухе витал лёгкий аромат цветущей сирени — он смешивался с запахом нагретого за день асфальта и едва уловимым дыханием приближающейся ночи. Всё вокруг будто замерло: даже ветер утих, словно боялся нарушить ту особенную тишину, которая бывает только в моменты, когда мир становится чуть ближе к чуду. Я стоял у невысокой ограды старого парка, сжимая в руках небольшой букетик полевых цветов — их я сорвал по дороге, сам не зная зачем, просто почувствовал, что должен принести что-то настоящее, не из магазина, а из самой земли, из живого мира. Сердце билось где-то в горле, мешая дышать ровно, и каждый вдох казался слишком громким в этой звенящей тишине. Я ждал. И знал, что она придёт. И она пришла. Kiladosha появилась из-за поворота, будто вынырнула из самого сумрака — её силуэт на мгновение слился с тенью, а потом шагнул в полосу света, и я увидел её улыбку. Она шла легко, почти невесомо, и в каждом её движении была какая-то особенная свобода, от которой у меня внутри всё сжималось и одновременно расправлялось, как будто я наконец-то мог дышать по-настоящему. Её волосы, слегка растрепанные ветром, ловили последние отблески дня, переливаясь медным и тёмно-каштановым, а глаза светились так, будто в них отражалось всё небо сразу. — Привет, — сказала она, останавливаясь в шаге от меня. Её голос был тихим, но в нём слышалась улыбка, и от этого мне стало спокойнее, хотя сердце всё ещё стучало где-то у самого горла. — Ты опять стоишь тут, будто ждёшь чего-то важного. Я хотел сказать что-то остроумное, что-то лёгкое, чтобы скрыть, как сильно дрожат пальцы, но слова застряли где-то посередине фразы, и вместо этого я протянул ей цветы. — Это тебе, — произнёс я, чувствуя, как краснеют уши, и надеясь, что в полумраке этого не видно. — Они... ну, они просто красивые. Как ты. Она рассмеялась — негромко, так, что звук растворился в вечернем воздухе, не нарушая тишины, а только делая её теплее. Взяла букет, поднесла к лицу, вдохнула, и на её губах появилась та самая улыбка, от которой у меня всегда становилось светлее внутри. — Спасибо, — прошептала она, глядя на меня чуть дольше, чем обычно. В её взгляде было что-то новое, какое-то тихое ожидание, будто она тоже стояла на краю чего-то важного и боялась сделать шаг, но хотела его сделать. — Знаешь, сегодня такой вечер... будто всё вокруг специально замерло, чтобы мы могли просто побыть вдвоём. Я кивнул, не доверяя своему голосу, и сделал шаг ближе. Расстояние между нами сократилось до одного вдоха, до одного удара сердца. Воздух стал гуще, насыщеннее, и каждый его глоток казался особенным, будто я вдыхал не просто кислород, а саму эту ночь, этот момент, эту близость. Её рука сама собой потянулась к моей, пальцы скользнули по коже, лёгкие, как прикосновение ветра, и я почувствовал, как по спине пробежала тёплая волна. Мы стояли так несколько секунд — просто держась за руки, слушая, как город тихо шепчет свои вечерние истории, как где-то вдалеке проезжает одинокая машина, как шуршат листья на старом клёне. И в этом шуме, в этом движении мира, мы были как остров, как место, где время замедлилось, чтобы дать нам этот миг. Потом она чуть наклонила голову, будто прислушиваясь к чему-то внутри себя, и посмотрела на меня так, что у меня перехватило дыхание. В её глазах отражался закат, и в этом отражении было столько нежности, что я вдруг понял: я могу быть слабым, могу быть испуганным, могу не знать, что сказать, — и она всё равно будет здесь, рядом, и не осудит, не оттолкнёт. — Можно? — тихо спросил я, сам не понимая, о чём прошу: можно ли быть ближе, можно ли признаться, что мне страшно и хорошо одновременно, можно ли просто остаться в этом мгновении навсегда. Она не ответила словами. Вместо этого она чуть приподнялась на цыпочки, её пальцы крепче сжали мою руку, а другая рука легла мне на плечо, мягко, уверенно, будто она знала, что делает, и знала, что я нуждаюсь в этой уверенности. Её

лицо приблизилось, и я почувствовал её дыхание — тёплое, чуть неровное, такое же взволнованное, как моё. Наши губы встретились — сначала осторожно, будто проверяя, правда ли это происходит, будто боясь спугнуть момент. Потом чуть увереннее, и мир вокруг окончательно растворился, остался только этот поцелуй, только её тепло, только ощущение, что я наконец-то дома, что меня нашли, что я не один. И в этот миг, когда всё внутри сжалось от нежности и радости, она тихо издала нежный и ласковый стон — такой тихий, что, если бы не эта звенящая вечерняя тишина, я бы его не услышал. Он был не громким, не страстным, а именно ласковым, словно она шептала этим звуком: «Я здесь. Ты не один. Мы вместе». Этот звук прошёл сквозь меня, согревая каждую клеточку, снимая ту тяжесть, которую я носил с собой так долго. Я обнял её крепче, притянул к себе, чувствуя, как её тело доверчиво прижимается ко мне, как её руки обхватывают меня, будто хотят удержать, защитить, подарить ту самую нежность, которой мне так не хватало. Мы стояли так долго — казалось, часы, а может, всего несколько мгновений. Время потеряло смысл, потому что в этом объятии, в этом поцелуе, в этом тихом стоне было всё, что мне нужно. Мир продолжал жить своей жизнью: где-то смеялись люди, проезжали машины, зажигались фонари, но для нас этот уголок парка стал отдельной вселенной, где существовали только мы двое и эта невероятная, хрупкая, но такая настоящая близость. Когда мы наконец отстранились, чтобы посмотреть друг на друга, её глаза блестели, а на щеках играл лёгкий румянец. Она улыбнулась — так мягко, так искренне, что у меня на мгновение перехватило дыхание от счастья. — Знаешь, — прошептала она, прижимаясь лбом к моему плечу, — иногда самые важные вещи случаются в полной тишине. Когда не нужно слов, потому что всё уже сказано. Я улыбнулся, чувствуя, как внутри разливается тепло, и провёл ладонью по её волосам, осторожно, боясь нарушить эту хрупкую гармонию. — Да, — тихо ответил я. — Иногда тишина говорит громче любых слов. И мы снова обнялись, стоя под первыми звёздами, которые начали загораться на тёмном небе. Парк постепенно погружался в ночь, но нам не было страшно — потому что мы были вместе, и этого было достаточно. В этом мгновении не было ни прошлого, ни будущего, только настоящее, наполненное нежностью, доверием и тем самым тихим счастьем, которое приходит, когда ты наконец-то чувствуешь, что тебя видят, слышат и любят. А где-то далеко, за пределами нашего маленького мира, город продолжал жить, но для нас он стал просто фоном, декорацией к истории, которая только начиналась. Истории о том, как два человека нашли друг друга в огромном мире и поняли, что даже в самой глубокой тишине можно услышать самое главное.

Глава 7 <первые шаги элары>

Глава 7. Первые шаги Элары Солнечный свет лился в комнату сквозь полупрозрачные занавески, рассыпаясь по полу золотыми пятнами. В воздухе кружились крошечные пылинки, медленно танцуя в лучах, будто маленькие звёзды, упавшие с неба. Всё вокруг было наполнено той особенной утренней тишиной, когда дом ещё не проснулся до конца, но уже дышит, живёт, ждёт чего-то хорошего. Элара сидела на пушистом ковре, крепко держась за край небольшого деревянного столика. Её маленькие пальчики сжимали резной бортик так, будто от этого зависела вся вселенная. На ней было лёгкое платьице с вышитыми цветочками — Kiladosha сшила его сама, вкладывая в каждый стежок столько любви, что ткань, казалось, хранила тепло её рук. Волосы Элары, тёмные, с лёгким медным отливом, были собраны в два крошечных хвостика, которые подпрыгивали при каждом её движении, словно живые. Я стоял чуть в стороне, стараясь не шевелиться, чтобы не спугнуть этот момент. Сердце билось где-то в горле, а ладони предательски вспотели. Я знал, что нельзя торопить события, нельзя подталкивать — первые шаги должны случиться сами, когда она будет готова. Но как же хотелось подхватить её, прижать к себе, защитить от любого падения, от любого испуга. Kiladosha присела рядом с Эларой, опустившись на колени так плавно, будто сама превратилась в часть этого тихого утра. Её глаза светились тем особенным светом, который появлялся только рядом с дочкой, — тёплым, мягким, бесконечно терпеливым. Она протянула руки, не хватая, не дёргая, а просто предлагая опору, показывая, что она здесь, рядом, и ничего не случится. — Ну что, моя маленькая звёздочка, — тихо проговорила Kiladosha, чуть наклонив голову, чтобы их взгляды встретились. — Ты так крепко держишь этот столик, будто он — твоя крепость. Но знаешь, иногда крепости нужно покидать, чтобы увидеть, какой огромный и красивый мир вокруг. А я буду тут. Я никуда не уйду. Элара на мгновение замерла, будто обдумывала каждое слово. Её большие глаза, такие похожие на мамины, внимательно изучали лицо Kiladosha, словно искали в нём подтверждение: правда ли, что всё будет хорошо? Потом она чуть ослабила хватку, один пальчик отпустил край столика, потом второй... и вдруг, будто решившись на самый смелый поступок в своей жизни, потянулась к маминым рукам. И тут случилось нечто удивительное. Kiladosha вдруг тихонько, почти неслышно, начала мурлыкать. Не петть, не напевать какую-то мелодию — именно мурлыкать, как большая ласковая кошка, которая хочет успокоить своего котёнка. Этот звук был низким, тёплым, вибрирующим, он шёл откуда-то из самой глубины её груди и разливался по комнате, обволакивая, защищая, обещая: «Я здесь. Ты в безопасности. Делай шаг — я поймаю». Этот звук подействовал на Элару как самое надёжное заклинание. Её личико озарилось улыбкой — такой искренней, такой чистой, что у меня на глазах выступили слёзы, и я поспешно смахнул их, боясь, что если заплачу, то нарушу эту хрупкую магию момента. Она чуть приподнялась на своих маленьких ножках, неуверенно, будто проверяя, выдержит ли пол, не провалится ли он под её весом. Один пальчик оторвался от ковра, потом второй, и вот она уже стояла, слегка покачиваясь, но держась прямо, гордо, будто знала, что совершает что-то великое. — Вот так, моя хорошая, — мурлыкала Kiladosha, не убирая рук, позволяя Эларе опираться на них, чувствовать эту опору, но давая ей возможность самой держать равновесие. — Ты такая смелая. Ты можешь. Просто сделай маленький шагок. Совсем крошечный. Как будто ты наступаешь на лепесток цветка, чтобы не помять его. Элара снова посмотрела на маму, будто черпая в её глазах всю необходимую храбрость. И сделала этот шаг. Он был неуверенным, коротким, почти незаметным — но для нас он был длиннее любого путешествия. Её ножки дрожали, но она не упала, не отпустила мамины руки, а наоборот, крепче вцепилась в них, будто хотела сказать: «Я сделала это! Видишь? Я смогла!» Второй шаг дался чуть легче. Третий — ещё увереннее. Она шла, слегка наклонившись вперёд, широко расставив ручки для равновесия, и каждый её шаг отзывался в наших сердцах тысячей коло-

кольчиков. Kiladosha продолжала мурлыкать — теперь чуть тише, будто боялась, что громкий звук спугнёт эту новую уверенность. Её глаза блестели, но она улыбалась, и эта улыбка была такой светлой, что, казалось, могла осветить весь мир. Я наконец-то смог подойти ближе, не нарушая их маленького ритуала. Присел на корточки рядом, протянул руку, не касаясь, просто чтобы она знала: папа тоже здесь, папа видит, как она старается, папа гордится каждым её движением. — Ты такая умница, Элара, — прошептал я, стараясь говорить тихо, чтобы не разрушить эту хрупкую тишину, наполненную счастьем. — Ты идёшь! Ты сама идёшь! Она на мгновение остановилась, посмотрела на меня своими огромными глазами, в которых читалось столько восторга и удивления, будто она сама не верила, что смогла сделать это. Потом снова шагнула — уже ко мне. И когда её маленькая ладошка коснулась моей руки, я почувствовал, как всё внутри меня переворачивается от нежности и гордости. — Ещё шажок, — мурлыкала Kiladosha, теперь уже чуть громче, потому что страх ушёл, уступив место чистой радости. — Ещё один, и ты дойдёшь до папы. Ты такая сильная, моя девочка. Ты всё можешь. И она дошла. Последний шаг был самым уверенным. Элара буквально влетела в мои объятия, уткнулась носом мне в плечо, крепко обхватив шею своими ручками, будто хотела спрятаться в этом тепле и одновременно показать всему миру: «Я дошла! Я смогла!» Я прижал её к себе, чувствуя, как её маленькое сердечко бьётся в такт с моим, быстро, радостно, отчаянно. Погладил её по спинке, по этим смешным хвостикам, и прошептал прямо в ушко: — Ты самая храбрая девочка на свете. Ты сделала свои первые шаги. И знаешь, что самое главное? Теперь ты можешь идти куда угодно — а мы с мамой всегда будем рядом. Мы будем держать тебя, даже если ты не видишь наших рук. Kiladosha подошла ближе, обняла нас обоих, прижавшись щекой к моему плечу. Её мурлыканье теперь стало тише, превратившись в тихий, довольный звук, который больше походил на шёпот счастья. Она закрыла глаза, будто хотела навсегда запомнить этот момент: запах детской кожи, тепло наших тел, ощущение того, что семья — это не просто слово, а самое надёжное место во вселенной. — Знаешь, — проговорила она, не открывая глаз, её голос дрожал от переполнявших её чувств, — иногда самые громкие победы звучат совсем тихо. Вот как сейчас. Как этот её первый шаг. Как моё мурлыканье. Как твоё дыхание, когда ты боишься даже моргнуть, чтобы не пропустить ни секунды. И в этой тишине рождается самое настоящее счастье. Мы стояли так несколько долгих минут, обнявшись втроём, пока солнце поднималось всё выше, заливая комнату золотым светом. Элара немного успокоилась, её дыхание стало ровнее, и она снова потянулась ножками к полу, будто хотела проверить: а правда ли она умеет ходить, или это был просто чудесный сон? — Давай ещё разок, — улыбнулась Kiladosha, снова опускаясь на колени и протягивая руки. — Только теперь ты пойдёшь не к папе, а ко мне. Или... может, мы пойдём все вместе? Держи меня за руку, держи папу за другую, и мы сделаем этот шаг втроём. Элара радостно закивала, её глазки загорелись азартом. Она схватила мою руку своей маленькой ладошкой, потом потянулась к маме, и мы встали в маленький круг, соединённые не просто руками, а чем-то гораздо более крепким — любовью, доверием, общим счастьем. И мы пошли. Медленно, осторожно, подстраиваясь под её крошечные шажки, но вместе. Каждый наш шаг отдавался в груди тёплой волной, напоминая: вот оно, самое важное. Не великие свершения, не далёкие цели, а вот эти мгновения, когда ребёнок делает первые шаги, когда мама мурлычет, чтобы успокоить, когда папа боится дышать, чтобы не спугнуть чудо. А когда мы наконец остановились, уставшие, но бесконечно счастливые, Kiladosha снова тихонько замурлыкала — теперь уже не для Элара, а для нас троих, как будто этим звуком хотела укутать нас всех невидимым пледом, согреть даже в самые холодные дни. И я понял: пока мы вместе, пока мы слышим друг друга, пока мы чувствуем эти маленькие, но такие огромные победы — нам ничего не страшно. Так начался новый этап нашей жизни. Этап, когда каждый шаг Элара был не просто движением — он был песней, которую мы пели втроём. Песней о семье, о любви, о том, что даже самые тихие звуки могут быть громче любых криков, если они идут от самого сердца.

Глава 8 <Элара идёт в садик>

Глава 8. Элара идёт в садик Утро началось не с будильника, а с тихого, но настойчивого шуршания где-то совсем рядом. Я приоткрыл один глаз и тут же наткнулся взглядом на Элару, которая, сидя на краю кровати, старательно пыталась натянуть на плюшевого зайца крошечную шапочку — ту самую, что Kiladosha связала прошлой зимой. Заяц выглядел слегка ошеломлённым, но Элара была предельно серьёзна: она хмурила бровки, поджимала губы и время от времени бормотала себе под нос что-то вроде «так, теперь сюда... нет, не так...». — Доброе утро, шпионка, — прошептал я, стараясь не спугнуть этот важный процесс. Элара вздрогнула, подняла на меня глаза и тут же расплылась в улыбке, от которой в комнате будто стало светлее. — Папа, смотри! Он замёрзнет без шапки! Надо его спасти! Я сел, потянулся, улыбнулся и притянул дочку к себе, зарывшись носом в её мягкие волосы, пахнущие шампунем с ромашкой и чем-то неуловимо своим, эларовским. — Ты у нас самая заботливая спасательница. Но знаешь, сегодня у нас важное дело. Мы идём записывать тебя в садик. Слово «садик» повисло в воздухе, как мыльный пузырь — красивое, переливающееся, но такое хрупкое. Элара замерла, перестала теревить заячью лапку и посмотрела на меня так, будто я только что сообщил ей, что завтра начнётся конец света или, наоборот, самое грандиозное приключение. — В садик? — тихо переспросила она, будто пробуя слово на вкус. — А ты пойдёшь со мной? — Конечно. И мама тоже. Мы все вместе. В этот момент из кухни донёсся тихий, но уверенный голос Kiladosha: — И ещё мы возьмём с собой бутерброды. На всякий случай. Вдруг там будет страшно, и тебе захочется перекусить. Или просто захочется бутерброда. Это тоже нормально. Я улыбнулся, услышав это. В этом была вся Kiladosha — она не пыталась убедить, что «там не страшно», не обещала, что «ты сразу подружишься со всеми». Она просто говорила: «Если будет страшно — у тебя будет бутерброд. И мы будем рядом». Когда мы вышли из дома, утро уже окончательно проснулось. Солнце стояло высоко, но ещё не обжигало, а ласково грело плечи. По тротуару бежали длинные тени, а в воздухе пахло свежестью, мокрой листвой и чуть-чуть — дымом из чьей-то трубы, будто город только что разжёл костёр, чтобы согреть этот день. Элара шла между нами, крепко держа нас за руки. Её маленькие пальчики сжимали наши ладони с такой силой, будто она боялась, что если ослабит хватку хоть на секунду, мир унесёт её куда-то далеко, туда, где нет ни папы, ни мамы, ни бутербродов. — А там будут другие дети? — спросила она, глядя вперёд, но стараясь не поднимать глаз слишком высоко, будто боялась увидеть садик раньше времени. — Будут, — ответила Kiladosha, наклоняясь к ней так, чтобы их глаза оказались на одном уровне. — И знаешь, что самое интересное? Они все когда-то тоже шли вот так, держа маму за руку, и боялись. А потом кто-то принёс печенье, кто-то показал машинку, кто-то просто сказал: «Привет, давай играть». И страх потихоньку убежал, потому что ему стало скучно. Элара задумалась, будто взвешивала каждое слово. Потом кивнула, будто приняла важное решение. — Ладно. Тогда я возьму с собой зайца. Он тоже будет знакомиться. Мы улыбнулись друг другу — я и Kiladosha, — и в этом молчании было столько понимания, что слова были не нужны. Мы оба знали: сегодня не просто «запись в садик». Сегодня Элара делает ещё один шаг во взрослый мир, и наша задача — не тащить её туда силой, а идти рядом, держать за руку и напоминать, что даже если станет страшно, она не одна. Садик оказался не таким страшным, как его рисовало детское воображение. Это было светлое здание с большими окнами, из которых лился тёплый свет. На крыльце стояли горшки с цветами, а на двери висела табличка с нарисованным солнышком и надписью: «Добро пожаловать». Рядом с крыльцом тянулась невысокая ограда, а за ней виднелась площадка с качелями, горкой и песочницей, усыпанной разноцветными камушками. Когда мы подошли ближе, Элара замедлила шаг, будто земля стала тяжелее. Я присел перед ней на корточки, чтобы наши глаза были на одном уровне. — Знаешь, ты не обязана сегодня заходить внутрь, если не хочешь. Мы

можем просто посмотреть на площадку. Или постоять тут. Или вообще развернуться и пойти есть мороженое. Это твой день, и ты решаешь, что тебе комфортно. Она посмотрела на меня, потом на маму, потом снова на дверь, где улыбалось нарисованное солнышко. Потом глубоко вздохнула, так, будто собиралась нырнуть в глубокое озеро, и тихо сказала:— Я зайду. Но ты будешь рядом?— Буду. И мама будет. Мы никуда не уйдём. Внутри пахло теплом, деревом и чем-то сладким — кажется, ванилью. В коридоре стояли разноцветные шкафчики, на каждом из которых были приклеены картинки: машинки, котята, звёздочки. У стены стояли маленькие стульчики, а на стене висела большая доска с расписанием и фотографиями детей, которые уже ходили сюда. Нас встретила заведующая — женщина средних лет с добрыми глазами и лёгкой улыбкой, которая не казалась натянутой, а будто жила в ней всегда. Она присела на корточки перед Эларой, не пытаясь схватить её или заговорить слишком громко, а просто сказала:— Привет. Меня зовут Ирина Петровна. Я здесь слежу, чтобы всем было хорошо. А тебя как зовут? Элара прижалась ко мне, спрятав лицо у меня в боку, но всё же прошептала:— Элара.— Очень приятно, Элара, — спокойно сказала Ирина Петровна. — Знаешь, у нас тут есть уголок с мягкими игрушками. И если вдруг станет шумно, можно пойти туда и посидеть. Или просто постоять у окна и посмотреть, как птицы летают. Никто не будет тебя торопить. Эти слова, простые и тихие, будто сняли с Элары невидимый груз. Она чуть выглянула из-за моего плеча, посмотрела на заведующую, потом на шкафчики с картинками, потом на Kiladosha, которая стояла рядом, чуть наклонив голову и улыбаясь той самой улыбкой, которая всегда говорила: «Всё хорошо, я здесь».— У меня есть заяц, — сказала Элара, доставая игрушку из рюкзака. — Он тоже хочет посмотреть. Ирина Петровна кивнула, будто это было самое важное условие.— Отлично. Тогда давайте познакомимся с группой. Там как раз сейчас дети рисуют. Если захочешь — можно взять кисточку. А если не захочешь — можно просто посмотреть. Мы прошли по коридору, и каждый шаг отдавался в груди странным чувством: одновременно гордостью и лёгкой грустью. Я понимал: это только начало. Скоро Элара будет бежать сюда сама, махать нам рукой с порога и кричать: «Пока, я пошла!» — а мы будем стоять и улыбаться, пряча в глазах слёзы радости. Но сегодня она ещё маленькая, ей всё в новинку, и ей нужно знать, что мы рядом. Группа оказалась светлой и уютной. На стенах висели детские рисунки — яркие, немного кривые, но такие живые, будто каждый мазок хранил в себе кусочек детского счастья. На полу лежали коврики, а в углу стоял тот самый мягкий уголок, о котором говорила Ирина Петровна. Несколько детей сидели за столиком и что-то раскрашивали, время от времени переговариваясь тихими голосами. Одна девочка подняла голову, увидела Элару и улыбнулась.— Привет! Ты новенькая? Хочешь, я покажу, где кисточки? Элара посмотрела на нас, будто спрашивая разрешения. Я кивнул, Kiladosha чуть наклонилась и прошептала ей на ушко:— Если хочешь — иди. Если не хочешь — мы можем просто постоять тут. Ты решаешь. И Элара решилась. Она сделала маленький шаг вперёд, потом ещё один, держа зайца за ухо, как будто он был её талисманом. Девочка протянула ей руку, не хватая, а просто предлагая: мол, я тут, я не обижу.— Меня зовут Маша. А твоего зайца как?— Это... — Элара запнулась, будто впервые задумалась об этом. — Это Пушистик. Маша рассмеялась, но не обидно, а радостно, будто услышала самую лучшую новость.— Классное имя! У меня есть кот, его зовут Барсик. Он тоже любит шапочки. Хочешь, покажу картинку? И вот так, с простого вопроса, с одной протянутой руки, страх начал таять, уступая место любопытству. Пока Элара разглядывала Машину картинку, мы с Kiladosha отошли чуть в сторону, чтобы не мешать, но оставаться на виду. Ирина Петровна рассказала нам про режим дня, про питание, про то, как проходит адаптация, и всё это она говорила спокойно, без спешки, будто знала, что сегодня нам важно не столько услышать факты, сколько почувствовать: здесь безопасно.— Самое главное, — сказала она, глядя нам прямо в глаза, — первые дни лучше быть рядом. Можно посидеть в группе, можно стоять у двери, можно просто махать рукой из коридора. Главное, чтобы ребёнок знал: вы не исчезли. Вы здесь. И вы придёте за ним. Kiladosha кивнула, и я увидел, как в её глазах блеснули

слёзы — но не от грусти, а от облегчения. Она взяла меня за руку, сжала пальцы, и мы снова поняли друг друга без слов. Когда мы собрались уходить, Элара уже сидела за столиком вместе с Машей и ещё одним мальчиком, и они что-то старательно выводили кисточками на бумаге. Она подняла голову, увидела нас и радостно замахала:— Мама, папа! Смотрите, я рисую дом! И солнце! И зайца! Мы подошли, посмотрели на рисунок — он был ярким, немного хаотичным, но в нём было столько жизни, что казалось, будто солнце вот-вот начнёт светить по-настоящему.— Очень красиво, — сказала Kiladosha, присаживаясь рядом и целуя Элара в макушку.— Ты такая умница.— Можно я ещё немножко порисую? — спросила Элара, глядя на нас с надеждой, в которой уже не было страха, а только желание остаться, попробовать, узнать.— Можно, — улыбнулся я. — Мы посидим тут, если хочешь. Или можем постоять у двери. Как тебе удобнее? Она на секунду задумалась, потом уверенно кивнула.— Давайте у двери. Тогда я буду знать, что вы тут. Мы встали у порога, не мешая, но оставаясь на виду. Kiladosha тихонько мурлыкала себе под нос какую-то мелодию — ту самую, которую она напевала, когда Элара была совсем маленькой и никак не могла уснуть. Этот звук, тихий и тёплый, будто держал нас всех вместе, не давая распасться на отдельные кусочки. А Элара снова повернулась к рисунку, взяла кисточку и продолжила рисовать свой мир — мир, в котором есть дом, солнце, заяц и родители, которые стоят у двери и улыбаются, потому что знают: сегодня их дочка сделала ещё один важный шаг. И они гордятся ею. И любят её. И всегда будут рядом. Так начался её путь в садик — не с громких слов и не с обещаний, что «всё будет легко», а с тихого «можно я ещё немножко порисую?» и с двух взрослых, которые просто стояли у двери и ждали, готовые в любой момент сделать шаг вперёд, если она позовёт. И в этом ожидании, в этой тишине, в этом доверии было всё самое главное.

Глава 9 <пушистый хвост kiladosha>

День выдался удивительно спокойным — будто весь мир решил на время затаить дыхание, чтобы не спугнуть что-то очень хрупкое и важное. Солнце мягко стекало по крышам домов, раскрашивая улицы в тёплые золотистые тона, а лёгкий ветерок приносил запах свежей выпечки из соседней пекарни. Я стоял у окна, смотрел, как медленно плывут по небу облака, и чувствовал, как внутри понемногу утихает привычная суэта, уступая место чему-то тихому и светлому. В комнате было уютно: на полу лежал мягкий ковёр, на подоконнике дремала маленькая плюшевая игрушка, которую Kiladosha когда-то купила на ярмарке, а на столе остывал чай в двух чашках — я всегда наливал и ей, даже если она задерживалась. И вот наконец дверь тихонько скрипнула, и она вошла. Kiladosha выглядела как всегда невероятно: её кошачьи ушки чуть подрагивали, улавливая каждый звук, а в глазах плясали озорные искорки. Она улыбнулась, и эта улыбка разом прогнала все тени, что ещё прятались где-то в уголках души. — Ты опять ждал меня, — сказала она, скидывая лёгкие туфли и подходя ближе. В её голосе слышалась нежность, смешанная с лёгкой виноватостью за опоздание. Я только пожал плечами, стараясь казаться спокойным, хотя сердце радостно подпрыгивало где-то в груди. — А куда мне идти, если ты не здесь? — пробормотал я, сам удивляясь, насколько просто и искренне это прозвучало. Она тихо рассмеялась, звук был похож на перезвон маленьких колокольчиков. Сделала ещё шаг и вдруг одним плавным движением обвила меня своим пушистым хвостом. Хвост был невероятно мягким, словно сотканным из самых тёплых снов, и плотно, но бережно прижался к моим бёдрам, будто хотел удержать меня рядом навсегда. И тут я почувствовал это: хвост начал едва заметно вибрировать. Сначала я подумал, что мне показалось, но вибрация становилась всё отчётливее — ровная, спокойная, похожая на тихое мурлыканье, которое можно услышать, если прижаться ухом к груди довольной кошки. Это было странно, удивительно и в то же время так правильно, что по коже побежали мурашки. Кошачьи ушки Kiladosha медленно опустились, прижимаясь к голове, — такой жест у неё всегда означал, что она чувствует себя в полной безопасности. В этот момент она была не героиней, не кем-то сильным и неуязвимым, а просто девушкой, которой хотелось быть рядом, чувствовать тепло и знать, что её ждут. Я осторожно протянул руку и коснулся её уха — оно было тёплым и чуть подрагивало от каждого моего прикосновения. Kiladosha закрыла глаза и глубоко вздохнула, будто впитывала этот момент целиком, до последней капли. — Иногда мне кажется, что весь этот мир слишком шумный, — прошептала она, уткнувшись мне в плечо. Её голос звучал тихо, но в нём было столько доверия, что у меня перехватило дыхание. — Тогда мы будем создавать свой собственный мир, — ответил я, обнимая её крепче. Хвост всё ещё вибрировал, и эта вибрация передавалась мне, успокаивая, согревая, напоминая, что я не один. Мы стояли так долго, пока за окном не начали загораться первые огни города. Kiladosha подняла голову и посмотрела на меня своими тёмными глазами, в которых отражался закат. — Знаешь, когда ты рядом, даже самые страшные мысли становятся просто теньями, — сказала она почти шёпотом, будто боялась спугнуть эти слова. Я улыбнулся и провёл ладонью по её волосам. — Значит, я буду рядом всегда. Чтобы прогонять тени. Она снова прижалась ко мне, и её хвост, всё ещё вибрирующий, словно подтверждал: да, здесь безопасно, здесь дом. Вечер медленно перетекал в ночь, а мы всё стояли, обнявшись, и слушали, как затихает город. Где-то далеко звенел трамвай, где-то смеялись прохожие, но для нас всё это было лишь далёким эхом, не способным нарушить ту тишину, которую мы создали вдвоём. И в эту минуту я понял одну простую вещь: счастье не обязательно должно быть громким. Иногда оно прячется в мягком пушистом хвосте, в прижатых к голове ушках, в тихом дыхании рядом и в словах, которые не нужно произносить вслух, потому что они и так уже сказаны — в каждом прикосновении, в

каждом взгляде, в каждом мгновении, когда ты знаешь, что тебя ждут. Так начался ещё один вечер нашей с Kiladosha жизни — тёплый, тихий и бесконечно дорогой сердцу.

Глава 10 <первое мурлыканье Элара>

Утро началось с мягкого, почти невесомого света, который пробирался сквозь полупрозрачные занавески и ложился на пол тонкими золотистыми полосами. В комнате пахло свежестью и чем-то домашним — то ли тёплым молоком, то ли ванилью, то ли просто счастьем, которое не имеет запаха, но всё равно чувствуется каждой клеточкой тела. Я сидел на краю кровати, стараясь двигаться как можно тише, чтобы не спугнуть эту хрупкую тишину, и смотрел, как в соседней кровати, похожей на маленький уютный домик, ворочается Элара. Ей недавно исполнилось девять месяцев, и с каждым днём она становилась всё удивительнее. Её кошачьи ушки, ещё совсем маленькие и нежные, будто только-только научились держать форму, сейчас слегка подрагивали, улавливая малейшие звуки: скрип половицы, тихий шелест ветра за окном, едва слышное тиканье часов на полке. Хвостик, пушистый и лёгкий, как облачко, слабо вилял из стороны в сторону, словно она во сне пыталась поймать что-то очень важное, но ускользающее. Kiladosha стояла у окна, держа в руках чашку с чаем, и улыбалась так, будто весь мир был создан только для того, чтобы в нём была эта минута. Её собственные ушки чуть приподнялись, выдавая то самое предвкушение, которое мы оба знали: сегодня должно случиться что-то особенное. Мы уже давно ждали этого момента, хотя и не говорили об этом вслух. Мы ждали, когда Элара впервые начнёт мурлыкать. — Она сегодня какая-то особенно чуткая, — прошептала Kiladosha, подходя ближе и ставя чашку на тумбочку. Её голос звучал так тихо, что казался частью этой утренней тишины, не нарушая её, а лишь добавляя к ней ещё одну ноту. Я кивнул, не отрывая взгляда от дочки. — Будто прислушивается ко всему сразу. И в этот самый миг Элара открыла глаза. Они были огромными, тёмными, в них отражался весь мир — и немного больше. Она потянулась, смешно выгнув спинку, и вдруг замерла, будто что-то внутри неё щёлкнуло, встало на своё место. Её ушки дёрнулись — один раз, второй, будто она проверяла, всё ли на месте. Хвост, до этого лениво вилявший, вдруг стал вибрировать, сначала едва заметно, потом всё сильнее, как будто внутри него просыпалась маленькая пружина. А потом случилось то, от чего у меня перехватило дыхание. Из её груди вырвался звук. Тихий, неуверенный, будто она пробовала его на вкус, как пробуют новое лакомство. Это было мурлыканье — первое в её жизни. Оно звучало не так, как у взрослых, не было уверенным и раскатистым. Оно было робким, немного дрожащим, словно она боялась, что звук получится неправильным, что его никто не услышит или, наоборот, он окажется слишком громким и спугнёт что-то важное. Но он был. И он был настоящим. Kiladosha тихо ахнула и прижала ладонь к груди, будто хотела удержать сердце, которое вдруг забилось слишком быстро. Её глаза наполнились слезами, но это были не слёзы грусти — это были слёзы того самого счастья, которое бывает настолько большим, что не помещается внутри и ищет выход. Элара снова дёрнула ушками, будто сама удивилась тому, что у неё получилось. Её хвостик продолжал вибрировать и слабо вилять, и в этом движении было столько восторга, столько детской радости, что казалось, будто он разгоняет остатки сна и наполняет комнату светом. Она посмотрела на нас — сначала на меня, потом на Kiladosha, — и снова издала этот тихий, волшебный звук. Я опустился на колени рядом с её кроватью, стараясь не делать резких движений, чтобы не спугнуть этот момент. Протянул руку и осторожно коснулся её крошечной ладошки. Она тут же схватила мой палец своими тёплыми пальчиками, крепко, по-хозяйски, и снова мурлыкнула — на этот раз чуть увереннее, будто поняла, что звук нравится не только ей. Kiladosha присела рядом, обняла меня одной рукой, прижимаясь плечом, и мы оба замерли, слушая это маленькое чудо. — Ты слышишь? — прошептала она, не сводя глаз с дочки. — Это как самая красивая музыка на свете. Я только кивнул, потому что слова вдруг стали лишними. В этом мурлыканье было всё: доверие, радость, любовь, которую она ещё не умела выражать словами, но уже

умела дарить всем своим существом. Элара потянулась ко мне, приподнялась на слабых ещё ножках, держась за бортик кровати, и снова издала этот звук — теперь он был чуть громче, чуть увереннее. Её ушки снова дёрнулись, будто она прислушивалась к самой себе, проверяя: да, это всё ещё я, это всё ещё мой голос, и он звучит правильно. Хвост продолжал вибрировать, и эта вибрация, казалось, передавалась всему вокруг — она делала воздух теплее, стены — добрее, а мир — немного волшебнее. Я осторожно поднял её на руки. Она тут же прижалась ко мне, уткнулась носом в плечо, и её мурлыканье стало тише, но не исчезло. Оно превратилось в ровный, спокойный ритм, который совпадал с биением моего сердца. Kiladosha провела ладонью по её пушистому хвостику, и тот на мгновение замер, а потом снова начал вибрировать — будто отвечал на её прикосновение. — Знаешь, что это значит? — тихо сказала Kiladosha, глядя на нас с такой нежностью, что у меня защипало в глазах. — Это значит, что она чувствует себя в безопасности. Что она знает: мы здесь, мы рядом, и никто её не обидит. Я улыбнулся, прижимая Элара чуть крепче. Она снова дёрнула ушками, будто соглашаясь, и снова тихо мурлыкнула. День только начинался, но уже было ясно: он будет особенным. Потому что в нём было первое мурлыканье нашей дочки — тот самый звук, который мы будем вспоминать всю жизнь, тот самый момент, который станет одной из самых тёплых страниц нашей семейной истории. Мы сидели втроём, обнявшись, и слушали, как Элара учится выражать свои чувства. Её хвостик всё ещё вибрировал и слабо вилял, ушки время от времени дёргались, улавливая новые звуки мира, а её тихое мурлыканье становилось всё увереннее — будто она наконец-то нашла свой голос и теперь хотела, чтобы его слышали все. И мы слышали. И мы слушали. И мы знали: это только начало.

Глава 11 <уход на фронт>

Глава 10. Уход на фронт Тот день начинался как самый обычный. Солнце пробивалось сквозь занавески, ложась на пол неровными квадратами света, а в воздухе витал запах свежесваренного кофе и тёплого хлеба — Kiladosha всегда старалась испечь что-нибудь к завтраку, даже если времени почти не было. Элара сидела в своём высоком стульчике, размахивала ложкой и радостно смеялась, когда капли каши падали ей на ладошки. Я смеялся вместе с ней, и на мгновение мне казалось, что весь мир устроен правильно: он тёплый, уютный и принадлежит нам троим. Kiladosha стояла у плиты, слегка наклонив голову, и её кошачьи ушки подрагивали, улавливая каждый звук в доме — привычка, которая всегда делала её похожей на чуткого стража нашего маленького счастья. Она обернулась, улыбнулась мне через плечо, и в этой улыбке было столько спокойствия, что хотелось остановить время и навсегда остаться в этой минуте. — Сегодня такой хороший день, — сказала она тихо, будто боялась спугнуть это ощущение. — Даже воздух пахнет по-другому. Я хотел ответить что-то простое и доброе, вроде «да, потому что ты рядом», но не успел. В дверь громко, настойчиво постучали — не так, как стучат соседи или друзья, а так, будто за ней стояла сама неизбежность. Стук прозвучал ещё раз, громче и резче, и внутри у меня всё сжалось. Я знал этот ритм: он не обещал ничего хорошего. Kiladosha замерла, её ушки резко прижались к голове — так она делала, когда чувствовала опасность. Элара, будто уловив перемену в воздухе, перестала смеяться и посмотрела на нас большими, серьёзными глазами. — Я открою, — сказал я, хотя ноги вдруг стали тяжёлыми, будто налились свинцом. На пороге стояли двое в форме. За ними, на улице, стоял военный автомобиль с тускло поблескивающими номерами, а рядом — ещё несколько человек, чьи лица были скрыты тенью козырьков фуражек. Один из них шагнул вперёд и произнёс слова, от которых мир вокруг будто треснул по швам: — Вы призваны по мобилизации. Сбор через два часа. С собой — минимум вещей. Голос его звучал ровно, буднично, словно он сообщал расписание автобуса, а не ломал чью-то жизнь. Я стоял, не в силах пошевелиться, и чувствовал, как земля уходит из-под ног. Где-то позади тихо всхлипнула Kiladosha. Когда я обернулся, она уже прижимала к себе Элару, крепко, но осторожно, будто пыталась укрыть её от всего мира. Её ушки дрожали, а глаза были полны ужаса и боли, которую невозможно выразить словами. — Нет, — прошептала она, и это слово прозвучало как крик, только беззвучный, застрявший где-то в горле. — Нет, пожалуйста, не надо... Я подошёл к ним, обнял их обоих — так крепко, как только мог, словно хотел передать им всю свою силу, чтобы её хватило на то время, пока меня не будет. Элара уткнулась мне в плечо, её маленький хвостик слабо вилял, будто она пыталась понять, что происходит, и искала в этом движении хоть каплю уверенности. — Я вернусь, — сказал я, глядя прямо в глаза Kiladosha, стараясь вложить в эти слова всю свою веру, даже если она была хрупкой, как стекло. — Я обязательно вернусь. Она покачала головой, будто не хотела слышать этих обещаний, потому что боялась, что они разобьются. — Не говори так, — прошептала она. — Не обещай, если не можешь быть уверен. Просто... просто помни, что мы здесь. Что мы ждём. Я кивнул, не доверяя своему голосу. Слова застряли где-то внутри, тяжёлые и горькие. Собраться удалось почти на автомате. Пара рубашек, тёплые носки, старый нож, который когда-то подарил отец, фотография, где мы троём смеёмся на берегу реки — она была смята по краям, потому что я часто доставал её и смотрел, когда становилось тяжело. Kiladosha молча помогала мне складывать вещи, её движения были резкими, торопливыми, будто она хотела успеть сделать всё до того, как реальность окончательно станет невыносимой. — Возьми это, — она протянула мне маленький кулон на тонкой цепочке — серебряного кота с изумрудными глазами. Когда-то он был её талисманом, и она никогда с ним не расставалась. — Пусть он будет с тобой. Пусть напоминает, что дома тебя любят. Я взял кулон, сжал его в кулаке, чувствуя холод металла и тепло её пальцев. — Я буду смотреть на него и думать о вас,

— сказал я. Элара вдруг потянулась ко мне, обхватила ручонками мою шею и прижалась всем своим маленьким телом. Её хвостик снова слабо вилял, а ушки дрожали, будто она чувствовала, что сейчас происходит что-то очень важное и немного страшное. Она не понимала слов, но чувствовала перемены в воздухе, в наших голосах, в том, как мы стали двигаться и смотреть друг на друга. Я поцеловал её в макушку, вдохнул запах её волос — сладкий, молочный, такой родной, что от него сжималось сердце. — Будь хорошей девочкой для мамы, — прошептал я ей на ухо, хотя понимал, что она ещё слишком мала, чтобы понять смысл этих слов. Но мне хотелось сказать хоть что-то, что могло бы стать опорой, даже если она забудет его через минуту. Машина ждала у подъезда. Люди в форме стояли неподвижно, как статуи, и от их спокойствия становилось только страшнее. Kiladosha держала Элару на руках, её плечи дрожали, но она не плакала. Она смотрела на меня так, будто пыталась запомнить каждую черту моего лица, каждый изгиб, каждую тень, чтобы потом, когда меня не будет рядом, она могла закрыть глаза и увидеть меня снова. — Я люблю тебя, — сказала она, и голос её был тихим, но твёрдым, как сталь, закалённая в огне. — И я буду ждать. Каждый день. Каждую минуту. Я хотел сказать что-то в ответ, но не смог. Вместо слов я просто подошёл, прижался лбом к её лбу, закрыл глаза и постарался запомнить этот момент: её дыхание, тепло её кожи, тихий стук её сердца, который совпадал с моим. Потом я повернулся и пошёл к машине. Шаги были тяжёлыми, каждый из них отдавался в груди, как удар молота. Я не оглядывался, потому что знал: если посмотрю назад, не смогу уйти. А уйти было нужно — не потому, что я хотел, а потому, что так было надо. Внутри машины пахло металлом и пылью, сиденья были жёсткими и холодными. Дверь захлопнулась с глухим стуком, и этот звук прозвучал как точка в конце предложения, которое я не успел дописать. Машина тронулась, и город поплыл за окном, становясь всё меньше и меньше, пока не превратился в размытые пятна света и тени. Только тогда я позволил себе оглянуться. Они всё ещё стояли у подъезда. Kiladosha прижимала к себе Элару, и даже с такого расстояния я видел, как дрожат её плечи. Её ушки были прижаты к голове, а хвост, которого не было видно, наверняка обвивал их обеих, пытаясь укрыть от холода и страха. Элара махала мне рукой, её хвостик слабо вилял, и в этом движении было столько надежды, что у меня перехватило дыхание. Я прижал к груди кулон, который дала мне Kiladosha, и прошептал: — Я вернусь. Я обязательно вернусь. Город остался позади, а впереди была дорога, которая вела туда, где начиналась война. Третья война с Чечнёй. О ней говорили по радио, писали в газетах, обсуждали на улицах, но теперь она перестала быть просто словами в новостях. Теперь она стала моей реальностью, частью моей жизни, которую я не выбирал, но должен был пройти. И где-то глубоко внутри, среди страха и тяжести, было одно чувство, которое не давало сломаться: любовь. Она была как свет в тёмной комнате, как тихий голос, который шептал: «Ты не один. За тобой есть дом. За тобой есть те, ради кого стоит держаться». Я закрыл глаза и представил, как Kiladosha укладывает Элару спать, как её ушки чуть подрагивают, когда она напевает ей тихую колыбельную, как её хвост обвивает кровать, создавая невидимую стену между миром и их маленьким счастьем. Я представил, как она смотрит на дверь и ждёт, когда она откроется, и на пороге снова появлюсь я. И я пообещал себе: я сделаю всё, чтобы это случилось. Чтобы однажды снова войти в эту дверь, обнять их обеих и сказать: «Я вернулся. Теперь всё будет хорошо». Дорога тянулась вперёд, унося меня всё дальше от дома, но не от любви. Любовь оставалась там, где её нельзя было забрать, нельзя было разрушить, нельзя было стереть. Она жила в их глазах, в их голосах, в каждом их вздохе. И она будет ждать меня. Так же, как я буду держаться за неё, чтобы не потеряться в том, что ждёт впереди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.